

Александр РАДИЩЕВ

1749—1802

Александр Николаевич Радищев родился в Москве, в богатой помещицкой семье. Получил великолепное домашнее образование, в 13 лет поступил в Пажеский корпус. Окончив юридический факультет Лейпцигского университета, в 1771 году стал служащим в высших административных учреждениях Петербурга. В 1790 году — управляющий Санкт-Петербургской таможней. В это время им написаны статьи «Слово о Ломоносове» (1780), «Письмо к другу, жительствоющему в Тобольске» (1790), ода «Вольность», повесть «Житие Фёдора Ушакова» (про однокурсника).

В конце 1790 года напечатан главный труд — философско-публицистическая повесть «Путешествие из Петербурга в Москву». Через три недели после появления «Путешествия...» началось следствие, которым руководила сама императрица Екатерина. Сенат приговорил его к смертной казни, но государыня заменила её десятью годами ссылки в Сибирь, в Илимский острог. В 1797 году Павел I освободил Радищева и разрешил проживать ему в его имении — селе Немцове Калужской губернии. В 1801 году Александр I призвал его на службу в Комиссию по составлению проектов законов. Умер А. Н. Радищев в 1802 году в Санкт-Петербурге.

ДНЕВНИК ОДНОЙ НЕДЕЛИ

Суббота

Уехали они, уехали друзья души моей в одиннадцать часов поутру... Я вслед за отдаляющеюся каретою устремлял падающие против воли моей к земле взоры. Быстро вертящиеся колёса тащили меня своим вихрем вслед за собою, — для чего, для чего я с ними не поехал?

По обыкновению моему, пошёл я к отправлению моей должности. В суете и заботе, не помышляя о себе самом, я пребыл в забвении, и отсутствие друзей моих мне было нечувствительно. Второй уже час, я возвращаюсь домой; сердце бьётся от радости; облобызаю возлюбленных. Двери отворяются, — никто навстречу ко мне не выходит. О возлюбленные мои! вы меня оставили. — Везде пусто — усладительная тишина! вожденное уединение! у вас я

некогда искал убежища; в печали и унынии вы были сопутники, когда разум преследовать тщился истине; вы мне теперь несносны! —

Не мог я быть один, побежал стремглав из дома и, скитаясь долго по городу без всякого намерения, наконец возвратился домой в поту и усталости. — Я поспешно лёг в постелю, и — о блаженная бесчувственность! едва сон сомкнул мои очи, — друзья мои представились моим взорам, и, хотя спящ, я счастлив был во всю ночь: ибо беседовал с вами.

Воскресение

Утро прошло в обыкновенной суете.

Я еду со двора, еду в дом, где обыкновенно бываю с друзьями моими. Но — и тут я один. Грусть моя, преследуя меня безотлучно, отнимала у меня даже нужное приветствие благопристойности, делала меня почти глухим и немым. С тягостию, несказанною себе самому и тем, с коими беседовал, препроводил я время обеда; спешу домой. — Домой? Ты паки один будешь, — пускай один, но сердце моё не пусто, и я живу не одною жизнью, живу в душе друзей моих, живу стократно.

Мысль сия меня ободрила, и я возвращался домой с весёлым духом.

Но я один, — блаженство моё, воспоминание друзей моих было мгновенно, блаженство моё было мечта. Друзей моих нет со мною, где они? Почто отъехали? Конечно, жар дружбы их и любви столь мал был, что могли меня оставить! — Несчастной! что ты произрѣк? Страшись! Се глагол грома, се смерть благоденствия твоего, се смерть твоей надежды! — Я убоялся сам себя — и пошёл искать мгновенного хотя спокойствия вне моего существа.

Понедельник

День ото дня беспокойствие моё усугубляется. На одном часе сто родится предприятий в голове, сто желаний в сердце, и все исчезают мгновенно. — Ужели человек толико

раб своя чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно встревожится? О гордое насекомое! дотронись до себя и познай, что ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало своё имеет в твоих пальцах и твоей наготе. Гордись своим рассудком, но прежде воспрями, чтобы остриё тебя не язвило и сладость тебе не была приятна.

Но где искать мне утolenия хотя мгновенного моей скорби? Где? Рассудок вещает: в тебе самом. Нет, нет, тут-то я и нахожу пагубу, тут скорбь, тут ад; пойдём. — Стопы мои становятся тише, шествие плавнее, — войдём в сад, общее гульбище, — беги, беги, несчастный, все скорбь твою на челе твоём узрят. — Пускай; — но какая в том польза? Они соболезнавать с тобою не будут. Те, коих сердца сочувствуют твоему, от тебя отсутственны. — Пойдём мимо. —

Собрание карет — позорище, карают Беверлея, — войдём. Пролиём слёзы над несчастным. Может быть, моя скорбь умалится. — Зачем я здесь?.. Но представление привлекло моё внимание и прервало нить моих мыслей.

Беверлей в темнице — о! колько тяжко быть обмануту теми, в которых полагаем всю надежду! — он пьёт яд — что тебе до того? — Но он сам причина своему бедствию, — кто же поручится мне, что я сам себе злодей не буду? Исчислили ли кто, сколько в мире западней? Измерил ли кто пропасти хитрости и пронырства?.. Он умирает... но он бы мог быть счастлив; — о! беги, беги. — По счастью моему, запутавшиеся лошади среди улицы принудили меня оставить тропину, по которой я шёл, разбили мои мысли. — Возвратился домой; жаркой день, утомив меня до чрезвычайности, произвёл во мне крепкой сон.

Вторник

Спал я очень долго, — здоровье моё почти расстроилось. Насилу мог встать с постели, — лёг опять, — заснул, спал почти до половины дня, — пробудился, едва голову мог приподнять, — должность требует моего выезда, —

невозможно, но от одного зависит успех или неудача в делопроизводстве, зависит благосостояние или вред твоих сограждан, — напрасно. Я в такой почти был бесчувственности, что если бы мне пришли возвестить, что комната, в которой я лежал, скоро возгорится, то я бы не шевельнулся. — Пора обедать, — нечаянной приехал гость. — Присутствие его меня выводило почти из терпения. Он просидел у меня вплоть до вечера... и, подивитесь, скука разогнала несколько мою грусть, — сбылася со мною сей день пословица русская: выбивать клин клином.

Среда

Волнение в крови моей уменьшилось, — я целое утро просидел дома. Был весел, читал, — какая нечаянная перемена! что тому причиною? О возлюбленные мои! я читал живое изображение того, что ежечасно, ежемгновенно происходит, когда вы со мною. — О мечта, о очарование! почто ты не продолжительна? — Зовут обедать — мне обедать? С кем? одному! — нет — оставь меня чувствовать всю тяжесть разлуки — оставь меня. Я хочу поститься. Я им принесу в жертву... почто ты лжёшь сам себе? Нет никакого в том достоинства. Желудок твой ослабел с твоими силами и пищи не требует, — пойдём, — едва в целый день мог я совершить столько пути, сколько в другое время совершаю в один час, — возвратимся, — я лежу в постеле, — бьёт полночь. О успокоитель сокрушений человеческих! где ты? Почто я казнюся? Почто лишён тебя? — Едва заснул на расвете.

Четверток

Благая мысль, — исполним её, — зашёл в лавочку, купил два апельсина и крендель, — пойдём: куда, несчастной? В Волкову деревню. —

На месте сём, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний, поучимся заранее взирать на скончание дней наших равнодушно, — я сел на надгробном камне, вынул свой запасной обед и ел с

совершенным души спокойствием; приучим заранее зрение наше к тленности и разрушению, воззрим на смерть, — нечаянный хлад объемлет мои члены, взоры тупеют. — Се конец страданию, — готов... мне умирать? — Да не ты ли хотел приучать себя заблаговременно к кончине? Не ты ли сие мгновение хотел ознакомиться?.. мне умирать? Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни!.. Друзья мои! вы, может быть, уже возвратились, вы меня ждёте; вы сетуете о моём отсутствии, — и мне желать смерти? Нет, обманчивое чувство, ты лжёшь, я жить хочу, я счастлив. — Спешу домой, — бегу, — но нет никого, никто меня не ждёт. Лучше бы я там остался, там бы препроводил ночь...

Пятница

Велел себя возить, — обедал безо вкуса. —

Ничто не помогает, — уныние, беспокойствие, скорбь, о, как близко отчаяние! но на что толико грустить? ещё два дни, — и они, они будут со мною, — два дни, — о ты, что можешь разлуку с друзьями души моей исчислить временем, о ты, злодей, варвар, змий лютый! Прочь тоλικое хладнокровие, — во мне сердце чувствует, а ты рассуждаешь. —

Едва я уснул... О возлюбленные мои! Я вас вижу, — вы все со мною, сомневаться мне в том не должно, прижмите меня к своему сердцу, почувствуйте, как моё бьётся, — но что! вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни, се смерть души. — Куда идёте, куда спешите? или не узнаете меня, меня, друга вашего? друга... Пойдите... мучители удалились, — пробудился. Вон беги, удаляйся, — се разверста пропасть, — они, они меня в неё ввергают, — оставили, — оставь их, будь мужествен. — Кого? друзей моих? Оставить? Несчастной! они в твоей душе.

Суббота

Утро прекрасное, — кажется, природа обновилась, — все твари веселее, — да веселье возрождается в душе

моей. Возлюбленные мои возвратятся завтра, — завтра! год целой. Изготовим для них обед, — тут они сядут. Я сяду с ними, о веселие! о надежда! — но их ещё здесь нет. Завтра будут они, завтра сердце моё не одно будет биться, — а если не возвратятся — вся кровь останавливается, — какое сомнение! Прочь, прочь, я счастлив быть хочу, я хочу быть блажен, о нетерпение! о, колико солнце путь свой лениво совершает, — ускорим его шествие, осмеём его завистливость, уснём, — я лёг в постелю до заката, заснул; и пробудился.

Воскресение

До восхождения солнца, — о вожделенной день, о день блаженный! скончалось заранее моё терзание. Настал приятный час. Друзья мои! сегодня, сегодня я вас облобызаю.

Пообедал я немного, — ускорим свидание наше, — ускорим, — о, если им толико же скучно, как мне? О, если бы они могли иметь отзвон моего терзания в душах своих, колико приятно будет для них зреть меня несколько часов прежде, — поедем им навстречу, — чем скорее поеду, тем скорее их увижу; в сей лстящей надежде не видал я, как доехал до почтового стана. —

Девятый час, — они ещё не едут, может быть, какое препятствие, — подождём. Никто не едет. — Чьим верить словам возможно, когда возлюбленные мои мне данного слова не сдержали? Кому верить на свете? Всё миновалось, ниспал обаятельный покров утех и веселий; оставлен. Кем? Друзьями моими, друзьями души моей! Жестокие, ужели толико лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обман? — Что изрёк? несчастной! А если какая непреоборимая причина положила на сей день препятствие свиданию вашему? Какое хуление! страшись, чтобы не исполнилось! о горесть! о разлука! почто, почто я с ними расстался? Если они меня забыли, забыли друга своего, — о смерть! приди, вожделенная, — как можно человеку быть одному, быть пустынною в природе!

Но они не едут, — оставим их, — пускай приезжают, когда хотят! приму сие равнодушно, за холодность их заплачу холодностью, за отсутствие отсутствием, — возвратимся в город; — несчастной, ты будешь один; — пускай один; — но кто за мною едет вослед? Они, — нет, их окаменелые сердца чувствительность потеряли; забыли они своё обещание сегодня возвратиться; забыли, что я им поеду во сретение; забыли меня. — Пускай забывают; я их забуду...

Понедельник

Их нет, и я один! кого нет? Друзей... друзей моих? Нет друзей на свете более, коли они друзьями моими быть не захотели; чего их ждать? — Уедем в другой город — пускай они меня ждут; — но сегодня поздно, — исполним завтра.

Вторник

Простите, вероломные, простите, бесчувственные, — простите... Куда едешь, несчастной? Где может быть блаженство, если в своём доме его не обретаешь? — Но я оставлен, — но я один, один — один!

Карета остановилась, — выходят, — о радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!..

